

ПОНЯТИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РОМАНАХ-ТРИЛЛЕРАХ О ВАМПИРАХ

В статье исследуются понятия прецедентного имени, текста и интертекстуальности на материале романов-триллеров о вампирах. Прецедентным именем является граф Дракула, а роман Бр. Стокера "Дракула" рассматривается как прецедентный текст.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, прецедентное имя, прецедентный текст.

Онищук І.Ю. Поняття прецедентності та інтертекстуальності у романах-трилерах про вампірів. У статті досліджуються поняття прецедентного імені, тексту та інтертекстуальності. Прецедентним іменем є граф Дракула, а роман Бр. Стокера "Дракула" розглядається як прецедентний текст.

Ключові слова: інтертекстуальність, прецедентність, прецедентне ім'я, прецедентний текст.

Onishchuk I.Y. Phenomena of Precedence and Intertextuality in Thrillers about Vampires. The article focuses on the phenomena of precedent name, text and intertextuality. The precedent name is Count Dracula, the novel by Br. Stoker "Dracula" is considered as the precedent text.

Key words: intertextuality, precedent, precedent name, precedent text.

Изучение языка с позиций культуры народа, а также стремление познать культуру через язык привело исследователей к мысли о существовании в каждом языке весьма ограниченного, постоянно меняющегося и обязательного для всех членов этого лингвокультурного сообщества набора сведений, обеспечивающих понимание между носителями данного языка и культуры. Такие значимые для определенного лингвокультурного сообщества сущности, являющие собой часть коллективных представлений, получили название прецедентов [3, 4]. Согласно мнению Д. Б. Гудкова, прецеденты – это факты, служащие образцом для деятельности, которые выступают как некий образцовый пример характеристик и/или поступков, задающих модели поведения, того, что нужно /не нужно делать [1, 119].

В. В. Красных, модифицируя определение Ю. Н. Караулова, которого считают основоположником теории прецедентности, относит к числу прецедентных следующие феномены:

- хорошо известные всем представителям национально-культурного сообщества ("имеющие сверхличностный характер");
- актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [4,44-45].

Среди прецедентных феноменов выделяют прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания.

В настоящем исследовании сосредоточим наше внимание на прецедентном имени и на прецедентном тексте. Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственному денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ: может состоять из одного или более элементов, обозначая при этом одно понятие [4, 48]. Термин “прецедентный текст” был впервые введен в научную практику Ю.Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 г., и активно используется многими исследователями (Аптулаева, Вепрева 1996; Баженова 1998; Гудков 2000; Дмитриева 1998; Евтюгина 1995; Захаренко 1999; Костомаров, Бурвикова 1994; Красных и др. 1997; Купина 1995; Макаров 2001; Постнова 2001; Ростова 1993; Слышкин 2000; Шестак 1996 и др.). Ю.Н. Караулов полагает, что особенностью каждого прецедентного текста является то, что он выступает как “целостная единица обозначения”, а именно как знак, отсылающий к тексту-источнику и представляющий его по принципу “часть вместо целого” [2, 216]. Прецедентность определяется как известность, хрестоматийность, востребованность текста, как отдельной языковой личностью, так и языковыми группами.

Говоря о романах-триллерах о вампирах, прецедентным именем, следует, безусловно, назвать имя графа Дракулы.

Появившись в 1897г. в романе Бр. Стокера “Дракула” образ элегантно-кровавой в черном плаще и с безупречными манерами со временем превратился “в того, кто для миллионов читателей стал воплощением идеи вампиризма” [6] в прототипический образ литературного, а позже и кинематографического вампира. О прототипе здесь говорим в терминах Элеоноры Рош как о ярчайшем, наиболее типичном представителе некоторой категории референтов [8, 29]. Безусловно, о валашском правителе Трансильвании XV в. Владе Цепеше (или Дракуле) было известно значительно раньше, чем появился роман Стокера. Прославившийся немислимой жестокостью граф был прообразом зловещего персонажа (но не вампира) еще в церковнославянском манускрипте 1490 г. “Сказание о Дракуле воеводе”. Однако именно благодаря перу Брэма Стокера имя конкретного литературного героя *Дракула* превратилось в нарицательное, а его облик стал прототипическим. Так, например, лингвокультурологический словарь Longman следующим образом дефинирует лему *Dracula* = *a frightening vampire who has fangs (=long teeth) and wears a black cape* [9].

Роман “Дракула” получил широкое признание у любителей развлекательной литературы, он многократно переиздавался многомиллионными тиражами и неоднократно экранизировался. Л. Мальтин, в своем справоч-

нике “2000 Movie and Video Guide”, приводит, в частности, фильмографию по теме “вампиры, Дракула, Nosferatu”, которая насчитывает более 20 наименований фильмов начиная с 1922 по 1999 гг., такие цифры служат еще одним подтверждением культовости этого персонажа, превратившегося в одну из культур ХХ в.

Иными словами, “Дракула” Бр. Стокера это, безусловно, прецедентный текст в западноевропейской культурной традиции ХХ в. А это обстоятельство предполагает включенность в интертекстуальные связи: частое цитирование или аллюзивное упоминание романа, его героев, коллизий в последующих речевых высказываниях, в том числе в других литературных произведениях. Е.А. Селиванова, приводя высказывание Леви Стросса о том, что интертекстуальность имеет не только рекурсивную, но и прокурсивную природу, справедливо резюмирует: “текстовый макрознак может потенциально повлиять на планирование макрознака (текст – И.О.) в будущем и встроится в него” [5, 200]. К роману Стокера “Дракула” в полной мере приложима характеристика прокурсивной интертекстуальности.

По данным наших наблюдений большая часть романов о вампирах так или иначе устанавливает интертекстуальные связи с романом-родоначальником соответствующего жанра (“Дракулой” Бр. Стокера). Исключением в анализируемой выборке является только роман А. Райс “Интервью с вампиром”. В остальных произведениях интертекстуальные связи между романами о вампирах и “Дракулой” Брэма Стокера выражаются:

а) цитацией;

“The strength of the vampire is that no one will believe in him”. Thank you, Dr. Van Helsing, he thought putting down his copy of Dracula”. It was true, the book was a hodge-podge of superstitions and soap-opera clichés, but that line was true, no one believed in them [14, 6].

б) аллюзивным употреблением персонажных имен;

He tossed the book across the room. Begone Van Helsing and Mina and Jonathan and blood-eyed Count and all! [14, 7].

в) упоминанием самой книги и ее автора;

Now the stacks of books by her bed was all vampire stories. “Dracula” was there, dog-eared and heavily underlined, Wallace began reading, but after a few paragraphs he was too disgusted to continue [10, 4].

Sunlight is not the mortal enemy Bram Stoker imagined in his tale of Count Dracula. I read the novel “Dracula” when it first came out [15, 6].

г) эпиграфом к роману К. Голдена “Вампир из мира туманов” и посвящением в романе П. Элрод “Квинси Моррис вампир”.

“He that can smile at death, as we know him, who can flourish in the midst of diseases that kill off whole peoples. Oh, if such a one was to come from God, and not the Devil, what a force for good might he not be in this world of ours”. — Bram Stoker, Dracula [12,5].

The story of the pursuit and execution of Dracula the vampire by myself and my friends ... has remained in print and hold its popularity with readers for over a hundred years (11).

Другую разновидность интертекстуальных связей в романах о вампирах

наблюдаем в случае включения графа Дракулы (изолированно или с другими персонажами романа Стокера) в персонажную схему *другого* романа. Так, например, “Братья Дракулы” Роберта Лори уже самим названием отсылает читателя к образу заглавного героя романа Брэма Стокера. Дракула в произведении Р. Лори, несмотря на заглавие, оказывается второстепенным персонажем, который томится в заточении в подвале дома американского профессора Хармона, находясь под его контролем благодаря хитроумному электронному устройству, вживленному в тело вампира.

*...the sympathetic **electronic implants** within the vampire had kept the Count under their control. By **telekinetic power** Harmon had been able to drive the thin silver out from **the stake they had removed from the vampire heart** back into that black organ. The linked devices – as well as the tiny **transceiver-communicator** which had been **implanted** behind the Count’s ear – were **scientific triumphs**... Harmon and he (Cam) had taken the stake from the vampire’s heart ... But both of them knew well that one small mistake – Cam **made the sign of the cross** [13, 24].*

Данная иллюстрация показывает, что перед нами образец прозы, в которой переплетаются традиционная мифологичность романа о вампирах (*a stake in the vampire’s heart, the sign of the cross*) с рационалистической технологичностью научной фантастики (*telekinetic power, implanted transceiver-communicator*).

Интертекстуальная связь между романами Робера Лори и Брэма Стокера проявляется в функционировании идентичного персонажа, графа Дракулы, в обоих произведениях, а также в переключке названий “Dracula” и “Dracula’s Brothers”, каких-либо иных (сюжетных, персонажных) переключек, связей не наблюдается.

Совершенно другой вариант интертекстуальности имеет место в романе-сиквеле, в нашей выборке это роман П. Эльрод “Квинси Моррис, вампир”, который связан с “Дракулой” хромотопным и сюжетно-фабульным построением, а также системой персонажей и в первую очередь фигурой Квинси Морриса, чье имя вынесено в заголовок сиквела. В связи с вышесказанным приведем меткое замечание В.Е. Чернявской: “понятие интертекстуальности покрывает всю шкалу возможных виртуальных отношений между текстами и их частями. В этом смысле интертекстуальность можно рассматривать как категорию “разгерметизации” и открытости текста” [7, 25]. В романе Стокера Квинси Моррис – один из преследователей вампира Дракулы, который в финальной сцене прецедентного текста погибает от ножевого удара. Статус продолжения истории, рассказанной в “Дракуле”, декларируется в “авторском” предисловии, написанном якобы от имени рассказчика Квинси Морриса.

Фантастическая ирреальность *всего* последующего повествования (а не только фигуры вампира) заявлена еще на подступах к нему. Во-первых, потому что рассказчиком оказывается умерший персонаж, а во-вторых, потому что повествование помещено в ирреально отдаленную хронологическую перспективу: участник событий рассказывает о них спустя более века.

The story of the pursuit and execution of Dracula the vampire by myself and

my friends ... has remained in print and hold its popularity with readers for over a hundred years (11).

Как следует из предисловия, необычная популярность “Дракулы” у читателей побудила автора (Квинси Морриса) продолжить историю и рассказать, что случилось после: *For them (his friends – И.О.) the story was ended; for me it began.*

Весь последующий роман – это повествование от имени Квинси Морриса о том, как он приходит в себя после смертельного ранения и выясняет, что отныне он – *nosferatu*, неумерший мертвец, которому суждено жить вечно. Но в отличие от канонических вампиров – воплощений вселенского зла, кровопийц и погубителей беззащитных человеческих жертв, Квинси Моррис оказывается “хорошим” вампиром, который может питаться кровью животных, а в случае высасывания крови у людей (преимущественно женщин), он, вопреки стереотипу, запечатленному в культурологическом концепте, не “загрызает жертву до смерти”, а напротив, утоляет ее сексуальное желание. Читатель романа с неослабевающим интересом следит за телесными, а главное психологическими трансформациями героя, который, не смотря на превращение в вампира остается тонкой, чувствительной и благородной натурой.

Граф Дракула, якобы убитый в романе Б. Стокера, также оказывается невредимым и в романе-сиквеле превращается в трагическую одинокую фигуру вампира, страдающего от коварства и глупости людей. Один из главных героев романа Стокера, профессор Хельзинг, абсолютно положительный, слегка комичный персонаж, главный знаток того, как следует бороться с вампирами, перемещаясь в художественный мир романа-сиквела, меняет свою оценочность на противоположную. У П. Эльрод профессор Хельзинг – это ограниченный злобный старикашка, изо всех сил пытающийся навредить бывшему другу и соратнику Квинси Моррису. Переоценке подвергается также образ Мины Харкер, которая из идеальной жены и невинной жертвы вампира превращается в распутную соблазнительницу.

Сравнивая систему на первый взгляд идентичных персонажей и сюжетных узлов в прецедентном романе и романе-сиквеле, видим, что в последнем они подвергаются значительной ревизии и переоценке. Некоторые из них кардинально меняют оценочный ореол на противоположный: отрицательный персонаж превращается в положительного и наоборот, достойное восхваление действие (умерщвление Люси Вестенры после ее превращения в вампиршу) оказывается отвратительным и достойным всяческого порицания.

Таким образом видим, что сиквел как литературное явление – это **не** продолжение повествования о некоем художественном мире, о котором уже рассказано ранее. Сиквел **создает** другой художественный мир. Объединенные общим хронотопом, многими сюжетными узлами и персонажами, тем не менее прецедентное произведение и сиквел отличаются конфликтом. Борьба добра со злом преломляется в иной персонажной оппозиции: в “Дракуле” Б.Стокера положительные персонажи (люди) VS отрицательные персонажи (вампиры), тогда как в “Квинси Моррисе, вампире” П. Эльрод

это – положительные персонажи (вампиры и понимающие их люди) VS отрицательные персонажи (люди, борющиеся с вампирами).

Завершая данный анализ, отметим, что роль стокеровского Дракулы как прецедентного образа персонажа проявляется также в том, что последующие (по хронологии создания) литературные персонажи-вампир наследуют целый ряд характеристик, впервые заявленных как атрибуты образа графа Дракулы. Набор этих характеристик представляет собой жестко заданные детали портрета, однако, их детальное рассмотрение представляется уместным в персонажной схеме романов-триллеров о вампирах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М. : Гнозис, 2003. –288 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – 264 с.
3. Косиченко, Е. Ф. Прецедентные имена как средство выражения субъективной оценки : дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 2006. – 224 с.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. – К. – Из-во укр. Фитосо- циолог. центр, 2000. – 248 с.
6. Цымбурский В. Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд. <http://beth.ru/stoker/zymbur.htm>.
7. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стил. Сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2003. – С. 23-41.
8. Rosh E.H. Principles of Categorization // Rosh E.H., Lloyd B.B. Cognition and Categorization. – Hillside, 1978. – P. 27-48.
9. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Lnd.: Longman, 1992. – 1528 p.

Список иллюстративного материала

10. Brite P. Lost Souls. <http://lavka.lib.ru/blake/vamp/lib.html>
11. Elrod P.N. Quincey Morris, Vampire. – N.Y.: Baen Publishing Enterprises, 2001. – 336 p.
12. Golden Ch. Vampire of the Mists. <http://lavka.lib.ru/blake/vamp/lib.html>
13. Lory R. Dracula's Brothers. – GB: Hunt Barnard Printing Ltd. Aylesbury Bucks, 1974. – 140 p.
14. Matheson R. I'm the Legend. <http://lavka.lib.ru/blake/vamp/lib.html>
15. Pike Ch. The Last Vampire. – Simon Pulse, 1994. – 208 p.

Стаття надійшла до редакції 16.09.2013 р.